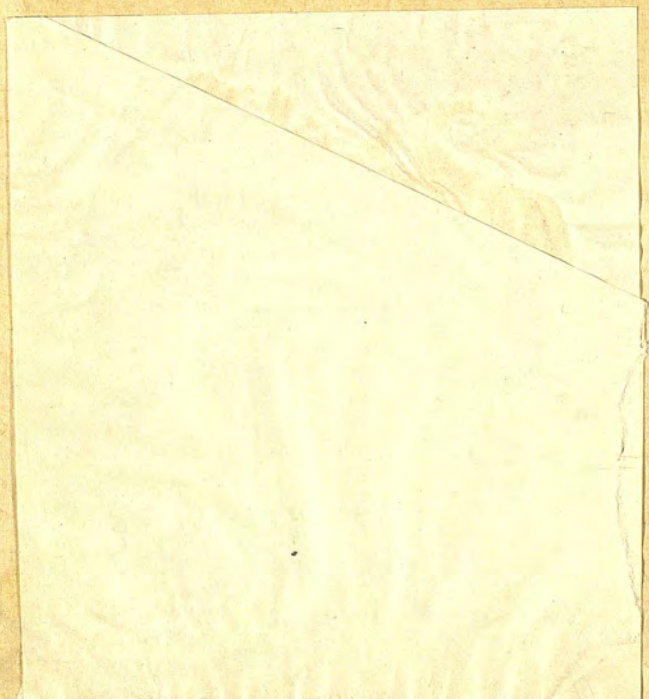

LIJ-271

A 263
1245

БОЛГАРИЯ и 1900
гр.

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

съ приложеніемъ портрета автора, его біографіи, папи-
санной П. А. Плетневымъ, примѣчаній, составленныхъ по
В. Θ. Кеневичу, и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова П.
Смирновскаго 332 страницы, 1897 года. Цѣна 1 руб.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія
рекомендованы въ качествѣ пособія при изученіи басенъ Крылова
въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ
и женскихъ, и для ученическихъ бібліотекъ этихъ заведеній, а
также для учительскихъ бібліотекъ низшихъ училищъ и для без-
платныхъ народныхъ бібліотекъ и читателей.

Оглавленіе: Біографія Крылова (написанная П. А. Плетневымъ).
Очеркъ дѣятельности Крылова до 1808 г. (П. Смирновскаго).
Басни Крылова. Примѣчанія въ баснямъ (по В. Θ. Кеневичу).
Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ басняхъ Кры-
лова (П. Смирновскаго). Имена и образы, заимствованные изъ
классической древности (П. Смирновскаго). Степень оригинально-
сти басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Историческое и обще-
человѣческое значеніе басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Па-
родность басенъ Крылова (П. С.). Художественность басенъ Кры-
лова (П. С.). Алфавитный списокъ басенъ Крылова съ указаніемъ
страницъ.

Тоже, удешевленное изданіе для школы и народа съ 75-ю гра-
вированными рисунками, съ портретомъ автора и его біографіей.
М. 1893 г., изд. 2-е, цѣна въ бумаж. 15 к., въ папѣ 20 к. въ
коленкор. перепл. 35 к.

Цѣна 10 коп.

ГДѢ НА РУСИ КАКОЙ НАРОДЪ ЖИВЕТЪ И ЧѢМЪ
ПРОМЫСЛЯЕТЪ.

5-2 [4]
ГОРЫ И МОРЕ.

ЗАКАВКАЗЬЕ.

ЧЕРНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.

АБХАЗЦЫ или АЗЕГА, СВАНЕТЫ или ШАНЫ.

Порты Чернаго моря: Новороссійскъ, Сухумъ, Поти и Батумъ.

(ЧТЕНІЕ ДЛЯ НАРОДА).

Н. Н. Александрова.

МОСКВА.

Изданіе книжнаго склада А. Я. Панафидина.

Покровка, Дякинъ пер. соб. домъ.

1901.

Дозволено цензурою. Москва, 10 Іюля 1901 г.

Горы и море.

(Закавказье).

Черноморское побережье.

Абхазцы или азега, сванеты или шаны.

Порты Чернаго моря: Новороссійскъ, Сухумъ, Поти и Батумъ.

На долю моего дѣтства выпалъ Кавказъ, и по преимуществу та его часть, которая прилегаетъ къ Черному морю и которая въ тѣ отдаленныя времена (пятьдесятъ лѣтъ назадъ) называлась Черноморской береговой линіей, сообразно военнымъ сторожевымъ линіямъ нашей границы—Кубанской и Терской; и которая теперь называется просто Черноморскимъ побережьемъ, куда входитъ новая Новороссійская губернія, съ г. Новороссійскомъ, Сухумскій и Батумскій округа.

Природа и тогда, и теперь осталась, конечно, все та-же; народъ по природѣ тоже тотъ-же; но тогда была на Кавказѣ безостановочная рѣзня, грабежъ, буйство; тогда еще чувствовалась злая стародавняя татарщина, полчища которой нѣкогда подъ предводительствомъ Тамерлана, Батые, Мамае шли изъ Азіи на Европу и которыя выдержала на своихъ плечахъ одна Россія.

Теперь Кавказъ покоренъ, какъ и въ прежнія времена Сибирь, и теперь народцы, населяющіе Кавказъ и происходящіе отъ разныхъ давнихъ народовъ Азіи, мало-по-малу осѣдаютъ на своихъ земляхъ и мало-по-малу присоединяются къ народамъ Европы. Нѣтъ теперь даже и сомнѣнія въ томъ, что ихъ дикіе азіатскіе нравы скоро исчезнутъ, и, какъ народъ отъ природы умный, они войдутъ въ общечеловѣческую семью мира и спокойствія.

Теперь эти азіаты только изъ-за спинъ стариковъ кулаки показываютъ, а помню я время, когда они гуляли на свободѣ, когда жили сообразно своимъ разбойническимъ привычкамъ и были страшны намъ—русскимъ, стремившимся къ миру и спокойствію.

Я проѣхалъ тогда вдоль всей Кубани отъ Ставрополя до устья Кубани и затѣмъ вдоль всего Черноморскаго побережья отъ г. Новороссійска до г. Поти, то-есть до устья рѣки Ріона.

По правому берегу Кубани шли наши казачьи станицы, караульные казачьи вышки, гдѣ подъ соломенной крышей стояли день и ночь сторожевые казаки; и, смотря на лѣвый берегъ, невольно чувствовалось, что тамъ уже не наша земля; тамъ кое—гдѣ прятались въ ущельяхъ горъ и въ подлѣскахъ черкескіе аулы; ихъ можно было разглядѣть только опытному глазу, но и то были аулы такъ называемыхъ мирныхъ горцевъ. Тамъ, вдали за лѣсами, синѣлись зеленыя горы, покрытыя вѣковѣчными дубами, букомъ, а далѣе за ними лиловыя дымки главнаго кряжа кавказскихъ горъ и, наконецъ, на горизонтѣ на голубомъ небѣ сверкали остроконечныя снѣжныя вершины, заканчивающіяся съ одной стороны двухглавой снѣжной шапкой Эльбруса.

На лугахъ за Кубанью находились иногда по нѣсколько человѣкъ черкесовъ съ мохнатыми (въ чехлахъ) ружьями за спинами, на полянкѣ иногда подъ какимъ-либо развѣси-

стымъ дубомъ или тѣнистымъ чинаромъ отдыхали, стреноживъ лошадей, тоже черкесы, утолявшіе свой голодъ какимъ-либо однимъ чурекомъ (хлѣбъ въ видѣ лепешки); и, казалось, все покойно, все мирно въ этой странѣ, которую какъ-бы издали стережетъ величественная природа. Но стоило зашелестить камышу на Кубани, зашуршать крыльями птицъ по воздуху, и, мигомъ, все было на ногахъ, все готовилось къ смерти. Завидѣвъ обгорѣлый пень, чуткій конь поднимаетъ голову, храпитъ и робко путаетъ свои шаги. Воображеніе невольно разыгрывается, мрачныя картины смѣняются быстро одна за другой; передъ вами то предчувствіе близкой опасности, то зловѣщее предчувствіе неравнаго боя, смерти, внезапнаго плѣна и неволи въ горахъ... И чѣмъ дальше по Кубани, тѣмъ пикеты становятся чаще, тѣмъ надзоръ усиленнѣй; и вотъ какъ извѣстный авторъ книги «Черноморскіе казаки» г. Попко описываетъ закубанскую равнину и самую Кубань съ ея *плавнями*. «Мрачна эта дымящаяся, туманная закраина зеленыхъ степей, представляющая собою необозримыя глазомъ болота, задернутыя дрему-

чимъ лѣсомъ камышей, съ узкими между ними прогалинами сухой земли, которыя служатъ путями только для хищныхъ шакаловъ (родъ волка) и горцевъ». «Напрасно взоръ вашъ, измученный мрачнымъ однообразіемъ узкой дорожной просѣки, ищетъ простора или предмета, на которомъ-бы могъ отрадно остановиться и отдохнуть». «Дремучій, безвыходный камышъ!.. При иномъ поворотѣ лѣниво подползаетъ къ дорогѣ узкій «ерикъ», дремлющей въ своемъ заглохшемъ ложѣ, подъ одѣяломъ изъ широкихъ листьевъ водяного лопушника, либо протянетъ къ вашему стремени свои усохшія, искривленные вѣтви чахлая ветла, словно увѣчный, покинутый товарищами путникъ. Молить онъ проѣзжаго о помощи, а проѣзжій—какъ-бы только самому проѣхать. Кое-гдѣ мелькнетъ дикая коза и перебѣжитъ фазанъ, кое-гдѣ покажется высокая пика развѣздного казака, молчаливаго, безстрашнаго и угрюмаго, какъ окружающая его мѣстность. Глушь и оцѣпенѣніе кругомъ. Только невнятный шопотъ камышей, только однозвучное жужжаніе кружащихъ надъ вашею головою насѣкомыхъ, да, при объѣздѣ

какого-либо лимана, кваканье цѣлаго сонма лягушекъ...» «Тамъ долетитъ до вашихъ ушей какой-то задушенный вой, быть можетъ, волчій... а тамъ рѣзкій, тоскливый пискъ ждущихъ корму птенцовъ хищной птицы». «И вотъ гдѣ-то близко затрепалъ тростникъ, можетъ быть, подъ клыкомъ кабана, а можетъ быть, и подъ чевякомъ (башмакомъ) «*психадзе*» (пѣшіе черкесы, дѣлающіе безстрашные, но звѣрскіе набѣги, въ одиночку). Всадникъ вздрагиваетъ и торопливо заноситъ руку на прикладъ ружья. Чу! раздался выстрѣлъ и въ медленныхъ перекатахъ замеръ гдѣ-то въ бездонной глубинѣ, въ безконечной дали. И стая лебедей тяжело поднялась надъ лиманомъ (это уже у устьевъ Кубани), и стадо кабановъ шархнуло въ камышахъ съ трескомъ и гудѣніемъ»... «Всю ночь, отъ сумерокъ до свѣта, и вверхъ и внизъ по Кубани, ходили разѣзды, обыкновенно выбиравшіе свой путь по прибрежнымъ тропинкамъ, скрытымъ отъ глазъ высокимъ камышомъ или кустарникомъ». «Проѣзжая по Кубани позднимъ вечеромъ (конечно по казенной надобности) и тревожно приглядываясь къ мелькающимъ мимо васъ въ тем-

нотѣ кустамъ, не выскочилъ бы изъ нихъ говорѣзь шансугъ,—вы не видите разѣзда, а онъ васъ видитъ... Замѣтивъ, какъ спокойно вы оглядываетесь то на ту, то на другую сторону, разѣздный моргнулъ усомъ и думаетъ про себя: «не бойтесь, ваше благородіе, ѣзжайте себѣ, глаза зажмура,—вѣдь мы не спимъ!» Да еще вы были версты за двѣ, какъ онъ уже остановилъ коня, насторожилъ ухо и настроилъ глаза. И когда вы пронеслись мимо него и вновь умчались въ темную даль,—онъ все еще прислушивается къ печальному звяканью колокольчика — не прервется ли онъ вдругъ... И добродушно онъ провожаетъ васъ потомъ пожеланіемъ, чтобы вашъ поздній ужинъ не остался кому другому на завтракъ».

Но, несмотря на бдительный надзоръ за линіей, несмотря на частые кардоны или сторожевые вышки и на постоянные разѣзды дежурныхъ казаковъ, я помню слѣдующій случай, въ эту мою поѣздку по Кубани. Мать забыла захватить изъ станицы воду для дороги, и дядя—кавказецъ—офицеръ, ѣхавшій съ нами, послалъ денщика набрать воды гдѣ-

либо изъ ручья, или прямо изъ Кубани. Денщикъ сбѣжалъ по крутому обрыву къ Кубани, но черезъ нѣсколько минутъ выскочилъ оттуда весь блѣдный и, бросивъ бутылку съ водой въ коляску, мигомъ махнулъ на козла, а ямщикъ гикнулъ и ударилъ по лошадамъ во-всю. Дядя выглянулъ изъ коляски; оказалось, что за нами, прокравшись какимъ-то образомъ черезъ цѣпь, гнались черкесы; и хотя до станціи было еще далеко, тѣмъ не менѣе на кардонѣ, или на вышкѣ ихъ замѣтили, дали тревогу, и они мигомъ опять-таки скрылись (ихъ, кажется, было 3 или 4) за обрывомъ; но что всего удивительнѣе, они пробрались по камышамъ и черезъ Кубань не только къ намъ незамѣченными, но и ушли или скрылись и перебрались опять на свою сторону за Кубань также незамѣченными; мы ихъ видѣли только потомъ съ дороги переплывающими на лошадяхъ у того берега. Когда мы пріѣхали на станцію и намъ подали самоваръ, дядя позвалъ ямщика, котораго онъ всю дорогу угощалъ по спинѣ ножнами шашки, и, когда ямщикъ выпилъ рюмки двѣ водки,—о, диво, дядя узналъ въ немъ одного изъ кадет-

скихъ товарищей—какого-то князя не то—... *чидзе*, не то... *истова*, съ которымъ мы сей-часъ же всё и вышли посидѣть на завалинкѣ станціонной хаты,—этой гостиной у всѣхъ казаковъ. Оказалось, что исторія князя была какая-то темная, и онъ нашелъ себѣ пристанищѣ среди ямщиковъ, чего сами казаки всегда избѣгали и куда шли по преимуществу бродяги, бѣглые и разный другой такого-же рода людъ. На завалинкѣ было уже извѣстно нападеніе на насъ, и тутъ вслѣдствіе этого рассказывались разные недавніе случаи; то о томъ, какъ на недѣлѣ видѣли гдѣ-то на дорогѣ казака зарѣзаннымъ, то о томъ, какъ неподалеку сожгли хуторъ и увели всю семью въ плѣнъ, то, какъ наши казаки сожгли нѣсколько ауловъ въ горахъ, какъ черкесы угнали скотъ такой-то станицы, какъ, наконецъ, *лазутчики* (шпіоны) даютъ знать, что въ горахъ стали собираться скопища, — вѣрный признакъ сильнаго нападенія, и т. д. Въ Тамани, которая, какъ извѣстно, стоитъ на устьяхъ Кубани, я помню еще болѣе пустынную и глухую мѣстность, чѣмъ окавни съ дремучими камышами; тамъ уже одинъ песокъ, со-

лончаки, нефтяные вонючіе бугры, и только желтоватое волнистое море вдали разносить иногда звукъ отдаленнаго шума волнъ. Тутъ такъ мертво все, такъ пустынно, что когда мы проѣхали грязную Анапу, бывшую нѣкогда грозной турецкой крѣпостью, когда мы направились съ конвоемъ казаковъ по дорогѣ въ нѣкогда бывший фортъ Раевскій, не далеко стоявшій отъ г. Новороссійска, то снова передъ нами все ожило; явилась зелень, растительность, показались разнообразныя линіи горъ, скалъ, появились опять и птицы, и животныя, а также и люди. Но опять-таки люди страшные, жаждущіе крови и смерти. Помню, не проѣхали мы и нѣсколькихъ верстъ, какъ навстрѣчу намъ и мимо насъ проскакали во весь карьеръ черкесы—*лазутчики*, что на фортъ Раевскій сильное нападеніе. Но дядя, неустрашимый кавказецъ (у него было до 18 ранъ), приказалъ ѣхать впередъ; и черезъ часа два или три мы благополучно прибыли въ фортъ, на который ночью было дѣйствительно сильное нападеніе, но тамъ въ это время находилась оказія изъ Новороссійска, состоявшая изъ одной или двухъ ротъ

линейнаго баталіона. Къ ночи ждали новаго нападенія, и войска или солдаты оставались на дневку. Ночью-же, какъ только зажглись огни, грянулъ пушечный выстрѣлъ; на валу показались темные силуэты офицеровъ, за валомъ, то есть за фортѣмъ при огнѣ вспыхивающихъ выстрѣловъ и ружейной пальбы задвигались массы солдатъ съ блестящими иной разъ штыками, а пули стали визжать въ воздухѣ чаще и чаще; и потомъ опять, какъ заревомъ, облило краснымъ молніеноснымъ огнемъ всѣ группы перемѣшавшихся мохнатыхъ папахъ черкесовъ съ ихъ обнаженными блеснувшими кое-гдѣ пашками и кинжалами, перемѣшивающимися кое-гдѣ и съ нашими всадниками—казаками; молніеносное зарево освѣтило все разомъ, и громъ изъ орудій грянулъ какъ-бы ударъ молніи и раскатился далеко далеко, гдѣ-то по горамъ. Ночь провели всѣ тревожно; всѣ ждали, что къ черкесамъ явятся еще подкрѣпленія; но къ утру, однако, все успокоилось, и уже на одномъ изъ приваловъ по дорогѣ къ Новороссійску рассказывали, что горцы, черкесы, и ужъ не *шапсуги* и *натухайцы*, какъ на Кубани, а уже другой народецъ— Аб-

хазуы или азега угнали при своемъ нападеніи на фортъ Раевскій часть скота; но тѣмъ все дѣло и кончилось. При этихъ воспоминаніяхъ какъ-то невольно воспоминается «Валерикъ» Лермонтова, гдѣ нашъ знаменитый поэтъ такъ описываетъ привалъ:

«... лежишь въ густой травѣ
И дремлешь... подъ широкой тѣнью
Чинарь иль виноградныхъ лозъ,
Кругомъ бѣлѣются палатки;
Казачьи тощія лошадки
Стоять рядкомъ, повѣся носъ;
У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга;
Едва дымятся фитили;
Попарно цѣпь стоитъ вдали,
Штыки горятъ подъ солнцемъ юга.
Вотъ—разговоръ о старинѣ
Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
Какъ при Ермоловѣ* ходили
Въ Чечню, въ Аварію къ горамъ,
Какъ тамъ дрались, какъ мы ихъ били.
Какъ доставалось и намъ...
И вижу я, неподалеку,
У рѣчки, слѣдуя пророку,
Мирной татаринъ свой намазъ
Творить, не подымая глазъ;

* Знаменитый кавказскій генералъ.

И вотъ кружкомъ сидятъ другіе,
 Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ,
 Подобный цвѣту наговицъ;
 Ихъ шалки, рукава худые;
 Ихъ темный и лукавый взоръ
 И ихъ гортанный разговоръ».

И абхазцы, такъ же, какъ и черкесы—*адиге*, красивы, стройны, ловки, они такъ же красиво одѣты; но никто изъ кавказцевъ, кромѣ еще кабардинцевъ, не умѣетъ такъ носить свой костюмъ, какъ черкесъ, у котораго и худые рукава, и заплата на заплатѣ, а иногда и просто разорванныя и въ лохмотьяхъ черкески и бешметы (нижній кафтанъ подъ черкеской) выглядятъ щеголевато, франтовски, такъ что всѣ прорѣхи и недостатки костюма совершенно сглаживаются; на нихъ не обращаешь и вниманія. Почти чуть не до самаго г. Новороссійска нашу *оказію* провожали издали, слѣдуя кое-гдѣ по горамъ между скалъ и деревьевъ, разсѣянные отдѣльные небольшія кучки горцевъ; попадались по двѣ по три конныхъ фигуры, но у спуска съ послѣдней горы въ долину новороссійской бухты исчезли съ глазъ и послѣдніе ихъ слѣды. Хотя у самаго Ново-

россійска и возлѣ города, даже въ горахъ, гдѣ были аулы мирныхъ горцевъ, они продолжали попадаться зачастую, но ужъ тутъ весь интересъ поглощался видомъ горъ и моря. Что красивѣе—горы или моря?—Трудно рѣшить, особенно тамъ, далѣе по черноморскому берегу, гдѣ и моря просторъ безграниченъ и живописно разнообразенъ, и горы съ утесистыми и выдающимися скалами, искрящіяся на голубомъ фонѣ неба при золотистыхъ лучахъ южнаго солнца, окаймляютъ всю даль снѣжной грядой, протягивающейся далеко-далеко по всему горизонту. Тутъ въ Новороссійскѣ,—это маленькіе холмы въ тѣ еще времена поросшіе кое-какимъ лѣсомъ; и это море точно озеро, вдавшееся въ материкъ и соединенное съ просторомъ моря болѣе узкимъ своимъ концомъ или какъ-бы проливомъ; о самомъ-же того времени г. Новороссійскѣ также нечего почти и говорить, какъ и объ Анапѣ. Онъ не фортъ въ родѣ Раевского; это уже укрѣпленіе, гдѣ есть улицы, дома, каменные строенія, церковь, лавки, базаръ, даже общественный садъ, было тогда и офицерское собраніе, каменный морской портъ, каменный

госпиталь; въ немъ жили: и начальникъ 1-го отдѣленія черноморской береговой линіи, и комендантъ укрѣпленія; городъ былъ обнесенъ землянымъ валомъ съ бастіонами и рвомъ; вездѣ были устроены ворота, бакгаузы, гдѣ содержался караулъ и гдѣ сторожевой казакъ такъ же слѣдилъ за окружающимъ, посматривая въ даль, какъ и расхаживавшіе по валу укрѣпленія съ ружьями линейные солдаты—часовые. На базарѣ, который назывался тамъ тогда *сатовкой* (вѣроятно, отъ слова *сату-торговать*), толпились, кто сидя, кто стоя, иные собравшіеся въ кружокъ, черкесы; сѣдые старики—черкесы съ крашеными бородами ходили отъ дома къ дому по улицамъ, предлагая купить связанныхъ за ноги куръ, индѣекъ, яйца въ плетеныхъ корзинкахъ, а не то кизиль, яблоки, виноградъ или лычу (лѣсная слива), ежевику, тутовникъ (ягоды тутоваго или-же шелковичнаго дерева); но вся эта торговля производится тихо, безъ крика, безъ навязыванья и даже безъ торгашества; скажетъ черкесь цѣну, если его подзовутъ и спросятъ о товарѣ, и затѣмъ больше ни слова. Онъ и тутъ держалъ себя по—рыцарски,

съ достоинствомъ; и не кланялся, не божился, не увѣрялъ въ достоинствахъ своего товара, а смотрѣлъ на покупателя даже какъ-то свысока и какъ-бы снисходительно. Послѣ новороссійской *сатовки* екатеринодарскій базаръ съ гвалтомъ хохлушекъ или казачекъ-торговокъ казался адомъ, какимъ-то болотомъ съ милліонами квакающихъ лягушекъ. Послѣ новороссійской *сатовки* становилось какъ-то совѣстно встрѣчаться съ черкесами на екатеринодарскомъ базарѣ.

Но обратимся къ окончанію нашего описанія того же Новороссійска того-же времени, съ котораго и началъ я мои старинныя воспоминанія. Роскошная морская бухта; и это было лучшее и даже единственное украшеніе или красота новороссійскаго укрѣпленія. Горы или главный кавказскій хребетъ тутъ только начинается, и начинается небольшими однообразными трехугольными холмами, поросшими кое-гдѣ рѣденькимъ лѣсомъ и невысокимъ и негустымъ кустарникомъ. Эти горы своими голыми вершинами только заслонили у Новороссійска даль роскошныхъ предгорій

и зеленѣющей бархатной долины Кубани, а зеркальная бухта и тогда величаво выглядѣла, разукрашенная странными гигантскими кораблями военной эскадры, которая смѣнялась одна за другой въ извѣстное время изъ Севастополя, и въ этой эскадрѣ были: одинъ фрегатъ, одинъ корветъ, одинъ транспортъ, это все трехмачтовые суда, а затѣмъ,—брыгъ, шкуна, парохоть,—двухмачтовые суда и наконецъ—тендеръ—одномачтовое судно. Когда эти суда, какъ я помню, входили одно за другимъ подъ широкими бѣлыми парусами изъ моря въ новороссійскую бухту, то картина, достойная кисти знаменитаго нашего художника И. К. Айвазовскаго, представлялась по своей красотѣ дѣйствительно изумительной. Надувшіеся бѣлые паруса приближались плавно, точно лебеди, съ поднятыми размашистыми крыльями, черныя туловища по мѣрѣ приближенія судовъ росли надъ водой все больше и больше и изъ темныхъ отверстій амбразуръ все яснѣе и яснѣе обозначались блестящія жерла пушекъ, прерывавшихъ бѣлую кайму, опоясывавшую черное туловище. При входѣ въ бухту эскадры салю-

товали (отдавали военную честь) одна другой пушечными выстрѣлами, которые далеко затѣмъ и долго раскатывались эхомъ по окружающимъ горамъ, гдѣ звонкое эхо какъ-бы и замирало затѣмъ гдѣ-то въ небесномъ пространствѣ. Эту величественную картину почему-то я только и помню при ясномъ безоблачномъ небѣ при палящихъ лучахъ яркаго южнаго солнца и при полномъ *штиль*, то-есть при совершенно тихой зеркальной поверхности моря. Но мнѣ однако пришлось видѣть и иную, далеко уже противоположнаго характера, картину этой бухты. Я видѣлъ на ней страшный штормъ, или такъ называемую *бору*, то-есть бурю съ свирѣпымъ ураганомъ, которая разражается въ Новороссійскѣ всегда позднею осенью или зимою и которая происходитъ отъ *нордъ-оста*, какъ называютъ сѣверо-восточный вѣтеръ моряки. Въ нашей морской исторіи новороссійскія *боры* извѣстны и памятны по 1842, 1848, 1851 и 1854 годамъ. Въ 1842 г. бора выбросила на берегъ *транспортъ* «Кодось» и два флашкоута, въ 1851 г. *шкуну* «Ласточку» и *транспортъ* «Бусъ», въ 1854 г. пароходъ «Могучій»; я-же видѣлъ

самый ужасный ураганъ, когда въ 1848 г. погибли пароходъ «Боецъ», *бригъ* «Паламедъ», *корветъ* «Паладъ» и пошелъ ко дну со всѣмъ экипажемъ, то-есть служащими на немъ, *тендеръ* «Струя», не упоминая при этомъ о множествѣ погибшихъ коммерческихъ судовъ. Домъ моего отца стоялъ въ Новороссійскѣ какъ разъ противъ бухты, не особенно далеко отъ берега, и я весь день не сходилъ съ окна, обращеннаго къ берегу. Но что на ней происходило и что творилось вокругъ и на небѣ и на землѣ,—это такой хаосъ, который и пересказать трудно. Первыми предвѣстниками беды всегда бываетъ появленіе изъ-за хребта горъ бѣловатыхъ облачковъ, которыя на вершинахъ горъ всегда скучиваются, а потомъ ползуть по покатостямъ все ниже и ниже и затѣмъ, отрываясь отъ горъ, падаютъ все ниже и ниже, пока наконецъ, уходя въ море, не исчезаютъ на полпути въ воздухѣ. Поднимающійся ураганъ даетъ себя знать набѣгающимъ порывомъ, уничтожавшимъ на своемъ пути всякую растительность и всѣ препятствія; онъ ломаетъ все, рветъ, а бухта, или вода, сдуваемая по поверхности, покрыв-

вается мелкими брызгами, точно паромъ, и море начинаетъ безпокойно колебаться, появляются тревожныя волны, и одна за другой становятся выше, могущественнѣе, свирѣпѣе, онѣ яростно бросаются уже съ пѣной по гребнямъ своимъ, какъ-бы разъяренные львы въ борьбу съ ураганомъ; корабли, съ опущенными до половины мачтами, то прячутся за поднявшіяся на дыбы грозныя волны, то вскакиваютъ на ихъ спины, точно едва-едва удерживаясь на нихъ; ураганъ же несетъ съ берега и тучи мелкихъ камешковъ съ пескомъ и ракушами, несетъ и оледенѣвшія мелкія брызги; а, вотъ, онъ сорвалъ съ какого-то дома желѣзную крышу съ стропилами; несетъ и крышу по воздуху; валить людей и животныхъ съ ногъ; и кого затащить въ канаву, въ ровъ—тотъ спасенъ; на берегу, для спасенія погибающихъ, войска, или солдаты стоятъ шеренгами, держась подъ руки другъ за друга, но долго стоять невозможно,—всѣ прячутся по домамъ, такъ какъ и самые дома, обдаваемые брызгами, леденѣютъ, а съ судами творилось что-то невѣроятное. Сперва, сколько мнѣ помнится, сорвало со всѣхъ якорей

корветъ. Онъ подавалъ сигналы, прося о помощи, стрѣляя изъ пушекъ; но несмотря на то, что онъ стоялъ ближе къ черкескому берегу, то-есть къ горамъ, а не къ городу, его какъ-то быстро протащило поперекъ всей бухты и повалило на берегъ у каменныхъ развалинъ бывшаго нѣкогда турецкаго каран-тина. За корветомъ, неожиданно вдругъ, показались изъ—за крыши госпиталя мачты большого транспорта, а тамъ какъ-то закружились въ воздухѣ и мачты брига, который, какъ рассказывали послѣ, провальсировалъ по бухтѣ по крутившимся волнамъ—и его выбросило изъ воды на нѣсколько сажень на нашъ песчаный берегъ. Ночью разнесся слухъ о гибели парохода, а на другой день на глазахъ всѣхъ, также во всѣхъ отношеніяхъ безпомощныхъ и войскъ, и морскихъ судовъ, не исключая и громаднаго *фрегата*, тендеръ «Струя», тоже стоявшій ближе къ черкескому берегу, медленно, хотя и тяжело, опустился ко дну. Въ предсмертной агоніи онъ, видимо, напрягалъ всѣ силы въ своей борьбѣ, на немъ какимъ-то способомъ держались и работали люди; они обрубали обледенѣвшія

снасти, то-есть веревки, съ него были сброшены всѣ тяжести, не исключая и пушекъ, чтобы такимъ образомъ поднять отяжелѣвшій отъ толстаго слоя льда самый корпусъ, погружавшійся уже въ воду и обдаваемый ежедневно свирѣпыми волнами; но ничто не помогало, — все было напрасно, и со шкуны, которая стояла не далеко отъ него и которой готовилось претерпѣть ту-же участь, видѣли, какъ офицеры и матросы сняли шапки, перекрестились и ушли въ каюты. Не задолго послѣ этого тендеръ былъ уже подъ водой, и съ Новороссійска можно было разглядѣть только вынырившую иногда изъ-за волнъ его черную мачту. Черезъ два-же или три дня жители Новороссійска поднялись со сна при ясномъ безоблачномъ небѣ и при полномъ спокойствіи и моря, и воздуха. Всѣ, конечно, рассказывали о разныхъ случаяхъ и бѣдствіяхъ, надѣланныхъ ураганомъ, всѣ ходили осматривать слѣды его дѣяній; и было что посмотреть, какъ днемъ, такъ даже и ночью. Днемъ ѣздили на лодкахъ къ мѣсту *тендера*, мачты котораго долго еще торчали сверхъ воды, и самый тендеръ со всѣмъ тѣмъ, что на немъ

дополняли общую декоративную (театральную) картину и среди окружающаго разрушенія при мерцающихъ кое-гдѣ въ темнотѣ лѣса, точно лампадки, красненькихъ огоньковъ, свѣтящихся изъ сакель на томъ берегу въ черкескихъ аулахъ, представлялось передъ глазами что-то фантастическое, сказочное, и казалось, будто смерть витала въ этихъ заманчивыхъ блесткахъ свѣтящейся глади моря, которое имѣло теперь уже для настрадавшейся смертью несчастно погибшихъ видъ спокойной, тихой пучины, схоронившей на своемъ холодномъ днѣ недавно поглощенные ею жертвы. Черезъ нѣсколько дней явились надъ тендеромъ водолазы, и скоро мимо того окна, съ котораго я видѣлъ гибель тендера, пронесли рядъ гробовъ съ тѣлами несчастныхъ черноморскихъ моряковъ. Ихъ жены и дѣти ждали ихъ въ Севастополѣ, но эскадра вернулась въ Севастополь безъ тендера, а на смѣну потерпѣвшей и разстроенной эскадры явилась въ Новороссійскѣ новая такая-же съ другими судами.

Новороссійскѣ, основаніе которому было по-

ложено казачьей станицей, можно считать границей Черноморіи, которая стала переваливаться черезъ горы, то-есть черезъ тѣ небольшіе холмы, которые уже нами только что описаны и черезъ которые безъ всякихъ усилій, какъ-бы по своей кубанской равнинѣ, подошли казаки и къ новороссійской станицѣ. Тутъ, я помню, видалъ впервые и пластуновъ. Мой отецъ и два офицера, однимъ изъ которыхъ былъ знаменитый впослѣдствіи кавказскій герой-генералъ Левашевъ, вышли за укрѣпленіе у того самаго мѣста, гдѣ рѣчка Цемесъ впадаетъ среди болота, покрытаго высокими камышами, въ новороссійскую бухту. Чаща этихъ камышей гдѣ-то зашевелилась, и Левашевъ указалъ на фигуры солдатъ, прокрадывавшихся куда-то ползкомъ. Они были въ оборванныхъ выгорѣвшихъ шинелишкахъ съ кинжалами и пистолетами у пояса, съ ружьями за плечами, и они то пріостанавливались и какъ-бы прислушивались къ чему-то, отодвигая нѣсколько камышъ, куда-то зорко выглядывали, и когда, наконецъ, кто-то изъ нихъ махнулъ намъ рукой, мы быстро вернулись въ крѣпость. Левашевъ объяснилъ, что

эти пластуны либо пробираются къ появившимся гдѣ-либо черкесамъ, либо-же пробираются въ горы къ ихъ ауламъ. Но, послѣ поѣздки по Кубани, меня какъ-то уже не пугало имя черкеса, и я смотрѣлъ такъ же безбоязненно на нихъ, какъ и на мирныхъ, и такъ же, пожалуй, какъ теперь или годъ тому назадъ на покоренныхъ черкесъ, которыхъ я увидѣлъ въ послѣднюю поѣздку на Кавказъ тоже на Кубани за станціей Алмавиръ Владикавказской желѣзной дороги. Теперь черкесы русскіе подданные, теперь они цивилизуются или образуются нами, сливаются, или должны сливаться съ русскими, заселяющими вмѣстѣ съ ними весь край. Но вотъ что, между прочимъ, на первыхъ порахъ я замѣтилъ, посѣщая этотъ покоренный край, и вотъ съ чѣмъ пришлось мнѣ встрѣтиться. Русскіе переселенцы изъ Россіи рассказывали мнѣ, что черкесы бѣгутъ отъ нихъ и не хотятъ жить вмѣстѣ на одной землѣ, а тѣмъ болѣе бокъ о бокъ. Они бѣгутъ въ горы, подымаясь все выше и выше, даже на безлюдныя вершины, на камыши и скалы; они говорятъ, что съ *чушкой* не могутъ жить, и *чушка* лишаетъ ихъ воды.

То-есть они изъ-за этой *чушки* (то-есть *свиньи*) бросаютъ свои прекрасныя, воздѣланныя земли; они говорятъ,—берите вы наше добро, а мы уйдемъ куда попало, только не оскорбляйте нашу религію, по законамъ которой *чушка* (свинья) остается нечистой, и Магометъ запретилъ даже касаться ея, а вы теперь въ нашихъ аулахъ гоните ее черезъ наши рѣчки, и она пьетъ изъ нихъ нашу воду. Не-вѣжественный русскій мужикъ не понимаетъ такого священнаго требованія чуждой ему вѣры, но такъ же священной для другого, какъ и его для него; и понятно отсюда, что мы долго еще будемъ только властвовать надъ покорившимся нашей силѣ народомъ, но далеко не помирившимся своей судьбѣ, далеко не мирнымъ, а, напротивъ, народомъ ненавидящимъ насъ и озлобляющимся противъ насъ.

За станціей «Алмавиръ» поѣздъ проходилъ ущелье, и по дорогѣ тащилась скрипучая арба (двухколесная повозка), запряженная двумя волами. За волами, свѣсивъ ноги съ арбы, сидѣлъ старикъ черкезь съ выкрашенной въ красную краску (выкрашенную сандаломъ)

длинной бородой. Окна въ вагонахъ всѣ были открыты, пассажиры, высунувшись въ окна, глядѣли на арбу, но преимущественно на двухъ подростковъ десятилѣтнихъ мальчиковъ, которые, стоя на колѣняхъ за старикомъ, показывали кулаки, а когда вагонъ прошелъ мимо ихъ, то они стали изъ-за спины старика грозиться кулаками, какъ-бы говоря, — обождите, настанетъ опять наше время, и мы вамъ покажемъ тогда, какъ своевольно властвовать надъ нами и презирать или осквернять нашу религію!... И эту угрозу я какъ-бы читалъ и чувствовалъ въ каждомъ лицѣ, въ каждомъ выраженіи и во всѣхъ движеніяхъ и манерахъ при общеніи съ нами покоренныхъ и такъ называемыхъ уже мирныхъ горцевъ.

И только все окружающее, вся внѣшность на Кавказѣ представляла передо мной Кавказъ совершенно какъ-бы иной страной, чѣмъ она была во времена моего дѣтства. Ауловъ какъ-бы нигдѣ не было видно; они точно куда-то исчезли; и сами станицы стали уже не тѣ, — вмѣсто бѣлыхъ станичныхъ мазанокъ, съ завалинами, показались наши деревянные

уѣздныя съ желѣзными крышами городскія постройки, не то казарменнаго характера, не то художественнаго въ смыслѣ коньковъ, пѣтуховъ и разныхъ раскрасокъ въ родѣ зеленыхъ ставенъ, красныхъ рамъ и т. п. Свое, Кавказское, типичное исчезло, видимо, повсюду и во всемъ; явилась не то Малороссія, не то Москва, или Вологда и Владиміръ; однимъ словомъ, что-то безразличное, однообразное и далеко ничѣмъ не привлекательное. А Новороссійскъ,—съ его, чуть не двадцатиэтажнымъ, элеваторомъ, съ маяками, дамбами, поперекъ пересѣкающими красивую нѣкогда и просторную бухту, съ его дачами на прежнемъ черкескомъ берегу, съ особенными вокругъ этихъ дачъ горами, на которыхъ все какъ-бы вырублено и выжжено,—Новороссійскъ съ мощеными улицами и магазинами, которые блестятъ кое-гдѣ широкими, чуть не въ ворота, зеркальными стеклами,—Новороссійскъ, въ которомъ не осталось и помина отъ прежняго,—ни земляныхъ украшеній, ни рва, ни вала, ни фортовъ, ни бакгаузовъ, онъ представляетъ теперь собою не то какой-то американскій городъ съ его двадцатиэтажнымъ левіофаномъ

элеваторомъ и съ разными электрическими фонарями и солнцами, освѣщающими въ разныхъ мѣстахъ всю бухту, не то у базара какой-то уголокъ Замоскворѣчья; однимъ словомъ, тутъ смѣсь чего-то какъ-бы своего, чего-то какъ-бы европейскаго, а разбирая по существу, онъ, какъ и всѣ позднѣйшіе русскіе города, не представляетъ собою ничего типичнаго, характернаго, или-же красиваго и цѣлесообразнаго,—это что-то беззначущее, или просто дурацкое, взятое отовсюду и какъ попало. Я пріѣхалъ теперь, спустя сорокъ лѣтъ, въ Новороссійскъ ночью, но и ночью я изумился при появленіи этого новаго города, сіявшаго электричествомъ, оглашаемаго густыми свистками желѣзнодорожныхъ локомотивовъ, гудками отходящихъ или приходящихъ пароходовъ, криками рабочихъ на пристаняхъ, а разсвѣло, и я пошелъ вдоль берега бухты, чтобы разыскать все то, что еще уцѣлѣло отъ стараго времени. Оказалось, не уцѣлѣло ничего, даже и по названіямъ, все окончательно забыто, прежняго какъ-бы ничего и не бывало; но на берегу бухты, у того мѣста, гдѣ въ старые годы выстроился

портъ и гдѣ было прекрасное купанье, меня еще издали заинтересовали движущіеся живые курганы,—это были живые курганы керченской сельди, которыхъ вытаскивали теперь изъ бухты, какъ и другую мелкую морскую рыбу, громадными массами, въ то время какъ въ старые годы ее только привозили изъ Керчи; у самаго-же конца бухты,—тамъ, гдѣ въ старые годы былъ густой камышъ и сѣверное болото, окружающее устье рѣчки Цемесь, о чемъ я уже писалъ, и гдѣ, если помнить читатель, ползали съ ружьемъ за плечами отчаянные, рваные пластуны, теперь я шелъ по прекрасному шоссе у самаго берега отъ города до вокзала, и моимъ глазамъ, вмѣсто крадущихся по камышамъ оборванныхъ пластуновъ, предсталъ съ ружьемъ на перевѣсѣ галантерейный щеголеватый охотникъ, подползавшій къ сидящимъ на болотѣ уткамъ.

Но на базарѣ было въ громадномъ количествѣ всякой мѣстной провизіи: и рыбы, и дичи, и яицъ, и молочныхъ продуктовъ и фруктовъ, особенно весьма вкуснаго горскаго винограда, были и разныя черкескія производства въ родѣ сукна, мерлушекъ, шкурокъ; и

бѣдные черкесы такъ же горделиво попрежнему стояли, облокотившись о ружья, возлѣ своихъ произведеній и какъ-бы все еще хотѣли охранять отъ всего чуждаго имъ свою дорогую родину.

Отъ Новороссійска мнѣ пришлось ѣхать вдоль всей черноморской береговой линіи до границы съ Турціей на знаменитомъ брыгѣ Казарскаго, памятникъ которому поставленъ въ Севастополѣ и братъ котораго командовалъ тогда брыгомъ, унаслѣдованнымъ за заслуги отъ знаменитаго героя. На этомъ брыгѣ отецъ мой впервые долженъ былъ произвести снимку черноморскаго побережья. Брыгъ былъ въ полномъ его распоряженіи, и мы останавливались не только по укрѣпленіямъ, но гдѣ было возможно и необходимо для работъ. Съ нами были топографы и конвой солдатъ, охранявшихъ работы на берегу. А въ Абхазіи надо было остерегаться не только бродящихъ повсюду, ничего не дѣлающихъ абхазцевъ, но приходилось осматривать и каждый кустъ, каждый камень и вѣтвистое дерево, такъ какъ по описаніямъ «Кавказской войны» извѣст-

наго нашего писателя Потто «въ Абхазіи убить кого-нибудь изъ-за засады было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, чему способствовали густые лѣса, гдѣ, даже видя непріятеля, не всегда возможно было до него добраться. Въ укрѣпленіяхъ то и дѣло получались извѣстія о солдатахъ, о казакахъ, даже о самихъ абхазцахъ, убитыхъ въ лѣсу, невѣдомо кѣмъ, и никто не былъ способенъ пырнуть ножомъ изъ-за угла, какъ житель коренной Абхазіи». Въ національномъ характерѣ абхазцевъ особенно выдѣлялось отвращеніе ихъ къ честному труду, воровскія наклонности, корыстолюбіе и вѣроломство. «Помоги тебѣ Богъ»,—говорила мать, благословляя сына и передавая ему въ первый разъ шашку, «пріобрѣсти этою шашкою много добычи и *днемъ и ночью*»,— иначе сказать: «путемъ правымъ и неправымъ». Вся слава абхаза состояла въ томъ, чтобы бродить изъ одного мѣста въ другое, воровать чужой скоть и имущество.

Абхазцы носили тотъ же самый костюмъ, что и черкесы, и разница заключалась въ болѣе короткой черкескѣ да въ башлыкѣ, который

у черкесовъ былъ бѣлый, а у абхазцевъ черный или коричневый и обвивалъ папаху, или мохнатую шапку въ видѣ чалмы, чего никогда не дѣлали черкесы. Абхазцы издавна славились своими красавицами, такъ что и теперь остались еще тамъ слѣды женской красоты. Турки, скупая въ оныя времена этихъ горскихъ красавицъ, давно уже, какъ говорить Потто, вывели изъ Абхазіи лучшіе женскіе типы, и теперь въ Абхазіи преобладаетъ мужская красота. Я помню, какъ, бывало, въ лунную ночь, когда брыгъ подъ парусами шелъ ровнымъ ходомъ вдоль береговъ, постоянно встрѣчались на берегахъ, бѣлые саваны черкешенокъ, которыхъ *кочермы* (маленькое одномачтовое турецкое судно) отвозили черезъ море въ Трапизондъ, Синопъ и другіе турецкіе рынки для продажи невольниковъ и невольницъ. Тогда единственнымъ электрическимъ свѣтомъ, но какимъ свѣтомъ, — свѣтомъ южной прозрачной ночи, была луна, при которой виднѣлось все на далекомъ разстояніи, и роскошная Абхазія съ границей ея искрящихся снѣговыхъ горъ на горизонтѣ рисовалась точно подъ рукой талантливаго ху-

дожника. Природа Абхазіи не только не уступаетъ нашему пресловутому южному берегу Крыма, но даже красивѣе его, и Абхазію можно считать одною изъ самыхъ благодатныхъ странъ Кавказа. Она покрыта вѣчною неувядаемою зеленью; въ Абхазіи подъ открытымъ небомъ растутъ лимонныя, персиковыя и чайныя деревья, цвѣтутъ розы, лавры; есть цѣлыя пальмовыя рощи, и громадныя дѣвственныя лѣса, еще неприступнѣе и диче, чѣмъ лѣса сосѣдней Мингреліи и Имеретіи. Всякая растительность, имѣющая характеръ травы и кустовъ, подъ вліяніемъ абхазскаго солнца принимаетъ древообразныя формы, достигая гигантскихъ размѣровъ. Тонколиственные *азалии*, съ своими красивыми живыми цвѣтами, испускающими тяжелый одуряющій запахъ, вытягиваются до шести аршинъ и покрываютъ собою долины и поля Абхазіи, гигантскій папоротникъ встрѣчается въ видѣ густыхъ и частыхъ посѣвовъ; колѣнчатый рододендронъ — краса черноморскаго прибрежья, съ длинными листьями и роскошными лиловыми букетами, образуетъ цѣлыя чащи по скатамъ и оврагамъ. И надъ всѣмъ

этимъ раскидываютъ темнозеленую листву тенистыя деревья, чинаръ, букъ, каштанъ и пальмы. Край этотъ могъ-бы считаться однимъ изъ прекраснѣйшихъ уголковъ земного шара, и растительность въ немъ могла-бы также войти въ поговорку, какъ животныя въ Кабардѣ или въ Черкесіи, гдѣ говорится о нихъ: «одинъ годъ — теленокъ, а другой — корова», — что въ Абхазіи можно переименовать такъ: «одно лѣто — трава, а въ другое — дерево». Но климатъ въ Абхазіи нездоровый. Громадные лѣса, особенно колоссальные папоротники, скрываютъ подъ собою болота, служащія источникомъ губительныхъ лихорадокъ. Опытъ показалъ однакоже, что если папоротникъ выкашивать три года сряду, то онъ погибаетъ окончательно, и тогда на мѣстѣ нездоровыхъ болотъ образуются превосходные покосы и луга.

Въ дѣтствѣ и я поплатился въ Сухумѣ лихорадкой, которая не оставляла меня два года; больными же солдатами были переполнены всѣ больницы и даже казармы. Ни отъ губительныхъ лихорадокъ, какъ и отъ раз-

боевъ абадзеховъ, въ тѣ отдаленныя времена не было спасенія такъ же, какъ и на Кубани. Многіе говорятъ, что на черноморскомъ побережьи было далеко не такъ опасно, какъ на лѣвомъ флангѣ, то-есть возлѣ Каспійскаго моря—въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Но это невѣрно; тутъ не было большихъ нападеній—массами, или тысячами и даже десятками тысячъ, какъ тамъ, но смерть сторожила всѣхъ и тутъ на каждомъ шагу. За стѣнами, на примѣръ, Сухума уже было опасно. Гарнизонъ крѣпости жилъ какъ-бы въ постоянной блокадѣ: нужно-ли было нарубить въ ближайшемъ лѣсу дровъ, или накосить сѣна,—солдаты посылались вооруженными командами, никто изъ абхазцевъ не впускался въ крѣпость, какъ было и въ Новороссійскѣ, вооруженнымъ, сторожевая, цѣпь, съ ружьемъ у ноги, днемъ выдвигалась впередъ на сто шаговъ отъ крѣпости; на ночь она убиралась, но крѣпостныя ворота тогда запирались, и за стѣны выпускались собаки, которыя оберегали гарнизонъ отъ нечаянныхъ ночныхъ нападеній, громкимъ лаемъ давая знать о приближеніи горцевъ, которыхъ собаки ненавидѣли.

Сухумъ — это старая турецкая крѣпость, построенная турками во время владычества ихъ почти во всемъ западномъ Закавказьѣ. По красотѣ мѣстоположенія Сухумъ называли, обыкновенно, вторымъ Константинополемъ, и крѣпость его была выстроена изъ дикаго камня съ четырьмя бастіонами по угламъ, но съ одной улицей и съ базаромъ посерединѣ, а вокругъ крѣпости шли красныя предмѣстья со множествомъ тѣнистыхъ садовъ и тутъ также былъ базаръ, состоящій изъ деревянныхъ барокъ, въ которыхъ торговали армяне и греки. Но въ этихъ предмѣстьяхъ гнѣздились по преимуществу шайки хищниковъ и контрабандистовъ, а также совершалась и тайная продажа невольницъ.

Сухумская крѣпость представляла собою въ тѣ старыя времена нѣчто вродѣ развалинъ, и одинъ докторъ, давшій намъ пріютъ въ своемъ жильѣ, позабавилъ насъ за чаемъ впервые видѣннымъ мною насѣкомымъ — это скорпіономъ, похожимъ нѣсколько по туловищу на маленькаго мягкотѣлаго рака. Докторъ указалъ намъ на щелку возлѣ одного камня и

сталъ играть на скрипкѣ; когда-же онъ сталъ играть, то въ отверстіи щелки мы увидѣли что-то зашевелившееся, и затѣмъ явился скорпіонъ, внимательно, видимо, прислушивавшійся къ музыкѣ, но едва докторъ пересталъ играть, и скорпіонъ моментально скрылся. Въ Сухумѣ, какъ и далѣе въ каменистыхъ мѣстахъ Закавказья, множество этихъ ядовитыхъ насѣкомыхъ; кромѣ скорпіоновъ, есть тарантулы и есть даже смертельно ядовитыя черныя фаланги, которыми по преимуществу отличаются мѣста возлѣ рѣки Ріона и города Поти. Работающіе солдаты не мало страдали, какъ отъ этихъ насѣкомыхъ и отъ разныхъ ядовитыхъ змѣй, такъ равно и отъ злокачественныхъ лихорадокъ; но теперь, съ увеличеніемъ болѣе образованнаго населенія, съ проведеніемъ по всему побережью шоссе, съ постройкой новыхъ жилищъ и вообще съ культурой (образованіемъ) страны, не только мало-по-малу исчезаютъ лихорадки, но пропадаютъ даже и насѣкомыя, и змѣи; и они исчезаютъ подобно тараканамъ и всякой другой грязи въ чисто содержимыхъ въ Россіи домахъ.

Отъ г. Новороссійска до Сухума есть еще множество поселеній, существующихъ съ давнихъ временъ, которыя теперь также преобразовываются въ города, морскія поселенія, а нѣкоторыя въ морскіе курорты и, наконецъ, въ дачныя постройки, которыхъ со временемъ будетъ, пожалуй, больше, чѣмъ на южномъ берегу Крыма. Многихъ не такъ еще давно пугали кавказскія лихорадки; но теперь даже и лѣнныя и ничего не желающіе дѣлать дикіе абадзехи поняли, что, съ уничтоженіемъ папоротника и осушеніемъ болотъ, лихорадки быстро исчезаютъ, и климатъ повсюду мѣняется; онъ дѣлается прекраснымъ и вполне здоровымъ морскимъ или горнымъ климатомъ.

За Новороссійскомъ верстъ на 30 южнѣе слѣдуетъ у самаго моря весьма прекрасный, какъ-бы самой природой устроенный, подковообразный портъ-Геленджикъ, требующій нѣкотораго благоустройства, за Геленджикомъ у устья горной рѣчки Туапсе г. Туапсе. Это будущее свѣтило всего закавказскаго черноморскаго побережья; это лучшая обширная гавань для всякаго рода большихъ и малыхъ морскихъ

судовъ, которыя не могутъ подвергаться здѣсь сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ, какъ въ Новороссійскѣ и Геленджикѣ, и единственный морской портъ, соединенный желѣзною дорогою съ Майкопомъ, то-есть съ внутренней частью этой богатой страны, а также соединенный и съ Закавказьемъ. Послѣ Туапсе есть на берегу моря поселенія, обѣщающія играть весьма видную роль въ будущемъ, какъ на примѣръ, Сочи съ окружающими его повсюду разными минеральными источниками, а потомъ Адлеръ, Гагри, Гадаутъ, Пицунды и, не доѣзжая Сухума, мы встрѣчаемся съ живописно устроеннымъ монашескимъ поселеніемъ «Новый Афонъ». Такимъ образомъ, нѣкогда совершенно пустынные берега, по которымъ бродили только разбойническія шайки абадзеховъ да голодные шакалы (волки), теперь мало-по-малу и даже очень быстро преобразовываются: вездѣ вы встрѣчаетесь съ пароходами, повсюду, еще издали, передъ вами мелькаютъ на темномъ фонѣ отвѣсныхъ горъ электрическіе огни; и только одни абхазцы, благодаря богатой природѣ, дающей безъ всякаго ухода за ней чудовищные урожаи, работаютъ

дней 20—30 не болѣе въ году, и если теперь занимаются чѣмъ-нибудь, то промышляютъ иногда ловлей дельфиновъ, которыхъ у береговъ Чернаго моря такое множество, что они нерѣдко опрокидываютъ каюки или лодки съ рыболовами. Къ торговлѣ абхазецъ не стремится. Его главная забота въ жизни,—это ничего недѣланье. Абхазцы даже и подданство Россіи приняли какъ-бы отъ лѣни, отъ ничего недѣланья; Абхазія досталась Россіи спустя лѣтъ шесть послѣ занятія Грузіи, досталась безъ всякихъ усилій и затрудненій. Владѣтелемъ Абхазіи до полного подчиненія ея Россіи былъ князь Шервашидзе. Религія у абхазцевъ тоже была неизвѣстно какая: они принимали и христіанство, которое будто бы насаждено у нихъ было Андреемъ Первозваннымъ; приняли они подъ вліяніемъ Турціи исламъ, и потомъ снова возвратились къ христіанству, а тамъ и къ магометанству; однимъ словомъ, имъ было все равно: что христіанство, что магометанство и даже идолопоклонство, при которыхъ они исполняли только одни наружные обряды. Такъ они посятся и въ ромазанъ и въ Великій постъ, и

празднують Рождество, Пасху, а также джуму и байрамъ и приносятъ жертвы горнымъ и лѣснымъ духамъ и уважаютъ священныя рощи.

Абхазцы, какъ мы уже и замѣтили, совершенные по виду черкесы, но они все-таки уступаютъ во всемъ черкесамъ; они даже нѣсколько мѣшковаты, неуклюжи, хотя, какъ пѣшіе воины, они считаются среди горцевъ лучшими стрѣлками. За Абхазіей идетъ Мингрелія, Сванетія, Иммеретія и, наконецъ, самый уголь Чернаго, гдѣ море заворачивается, прилегаетъ Гурія. Первымъ портомъ за Сухумомъ слѣдуетъ древній городъ Поти, расположенный на устьѣ рѣки Ріона. Его знали и греки, и римляне; черезъ него шла вся торговля Европы съ Азіей, но, какъ въ древнія времена, такъ и до сихъ поръ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ природныхъ условій, пстійскій портъ считается весьма неудобнымъ, и теперь большая часть товаровъ и судовъ направляется на близъ стоящій прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ батумскій портъ.

А. Я. ПАНАФИДИНА.

Москва. Покровка, Лялинъ переулокъ, домъ № 11—13.

ПРОДАЮТСЯ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Авраамъ Линкольмъ. Освободитель невольниковъ въ Америкѣ, жизнь и біографическій очеркъ. М. 1900 г., ц. 20 к.

Александровъ, Н. «Народы Россіи». Этнографическіе рассказы для дѣтей. Вып. I. Пустыни Сѣвера и ихъ кочующіе обитатели. Иллюстр., М. Микѣшинымъ, А. Шарлеманомъ и др. Изд. 2-ое. М. 1898 г. Въ папкѣ ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ 2 р.

М. Н. Пр. отъ 9-го Октября 1899 г. за № 24499. Допущена въ ученическія бібліот. всѣхъ среднихъ учебн. завед. въ учительскія бібл. низшихъ училищъ, а также въ бесплатныя народн. читальни и бібліотеки.

Томъ же Вып. II-й. Иногородцы лѣсовъ Сибири, съ рисунк. Брожа и др. М. 1899 г. ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

М. Н. Пр. отъ 9-го Октября 1899 г. за № 24499. Допущена въ ученическія бібліотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ завед. въ учительскія бібл. низшихъ училищъ, а такъ же въ бесплатныя народ. читальни и бібліотеки.

Томъ же. Вып. III-й. Иногородцы лѣсовъ, съ рисунк. О. К. Брожа, М. 1900 г. ц. 1 р. 50 к. въ папкѣ 1 р. 75 к., въ колѣнк. перепл. съ золот. 2 р. 25 к.

Его-же. «Волга». Этнографическіе рассказы для дѣтей съ рисунк. Изд. 2-ое безъ переменъ. М. 1898 г., ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к., въ 1-мъ изд. Одобрено М. Н. Пр. для употребленія въ низшихъ учи-

лищахъ и внесено въ опытъ каталога ученич. бібл. сред. учеб. завед. Вѣд. М. Н. Пр. и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

Гдѣ на Руси какой народъ живетъ и чѣмъ занимается.

Чтеніе 1-е. Самоѣды, Лопари, Зыряне и Поморы. М. 1897 г., ц. 10 к.

Чтеніе 2-е. Жители лѣсной полосы. М. 1897 г., ц. 10 к.

Чтеніе 3-е. Новороссія (Богатыя степи). М. 1898 г., ц. 10 к.

Чтеніе 4-е. Малороссія (Благодатный край), М. 1898 г., ц. 10 к.

Чтеніе 5-е. Крымъ. (Жемчужина Россіи), съ 2-мя рисунками въ текстѣ. М. 1898 г., ц. 10 к.

М. Н. Пр. 23-го Іюля 1898 г. № 18447 допущены въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народн. бібліот. и читал., и для публичн. народн. чтеній.

Чтеніе 6-е. Казаки (Черноморцы и Терцы). М. 1899 г., ц. 10 к.

Чтеніе 7-е. Казаки (Донцы и Уральцы). М. 1898 г., ц. 15 к.

М. Н. Пр. 8 Октября 1899 г. № 24637 допущены для народныхъ чтеній и бесплатныхъ читаленъ.

Чтеніе 8-е. Камчадалы и Курильцы. (Завоеваніе Камчатки и Курильскихъ острововъ). М. 1899 г., ц. 15 к.

Чтеніе 9-е. Якуты и Долганы. М. 1899 г., ц. 10 к.

Чтеніе 10-е. Черемисы и Чуваши. М. 1899 г., ц. 10 к.

Чтеніе 11-е. «Волгулы». М. 1899 г., ц. 10 к.

Александрова Н. Чтеніе 12-е. «Прибалтійскій или Остзейскій край», М. 1899 г., ц. 10 к.

Чтеніе 13-е. «Татары». М. 1899 г., ц. 15 к.

Чтеніе 14-е. Мордва, Мещеряки и Тештары. М. 1900 г., ц. 10 к.

Чтеніе 15-е. Туингусы. М. 1900 г., ц. 10 к.

Чтеніе 16-е. Буряты. М. 1900 г., ц. 10 к.

Чтеніе 17-е. Башкиры. М. 1900 г., ц. 10 к.

Чтеніе 18-е. Ногайцы. М. 1900 г., ц. 10 к.

Чтеніе 19-е. Калмыки (степи). М. 1901 г., ц. 10 к.

Чтеніе 20-е. Степи. Бессарабія, Молдоване, (Румыны). М. 1900 г., ц. 10 к.

Чтеніе 21-е. Болгарія. Чтеніе для народа. М. 1900 г., ц. 15 к.

Волжинскій. Замѣчательные люди. Биографія: Ломоносова, Кулибина Власова, Сатпушкина, Кольцова, Ермака Тимофеича, Меншикова Потемкина, Сперанскаго, Суворова, Мишина, Пожарскаго и Сусанина, ц. 20 к.

Его же. Полезное чтеніе для грамотнаго простолудина, ц. 20 к. Съ картинкой на обложкѣ.

Каждая книжка съ картинк. на обложкѣ соответствующая тексту.

Колоколеникова В. Небесная Имперія Китай. М. 1898 г., ц. 25 к. съ картинкой на обложкѣ.

Ея-же. Кавказъ, очеркъ, М., 1898 г., ц. 15 к. Съ картинкой на обложкѣ.

М. Н. Пр. отъ 7 Августа 1897 г. № 20038 допущено въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ безплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народн. чтеній.

Ея-же. Очерки Япоіи. М. 1898 г., ц. 15 к. Съ картинкой на обложкѣ.

Ея-же. Среди стеной, пустынь и горъ. (Монголія, Тибетъ, Манчжурія, Джунгарія, Восточный Туркестанъ). М. 1899 г., ц. 15 к.

Ея-же. Церковно-славянскій словарь. — Для толковаго чтенія Св. Евангелія, Псалтыря и Часослова. Спб., 1897 г., ц. 10 к.

М. Н. Пр. 27 Іюля 1898 г. № 16178 допущенъ въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учеб. заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читал.

Ея-же. Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Съ портр. Ломоносова. М., 1897 г., ц. 10 к.

М. Н. Пр. отъ 9-го Марта 1898 г. № 6626 допущено въ ученическія библіотеки низш. учил., въ безплат. нар. библ. и читал. и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Ея-же. Корея, страна утренней ясности. М. 1900 г., ц. 10 к. Съ картинкой на обложкѣ.

— Подвиги простыхъ русскихъ людей Ерофея Хабарова и Семена Дежнева. М. 1900 г., ц. 10 к.

Слющевъ, Н. Н. Вулканы и землетрясенія. М. 1900 г., ц. 25 к.

— Вода въ трехъ видахъ. М. 900 г., ц. 20 к.

— Воздухъ насъ окружающій съ рисунк. въ текстѣ. М. 1900 г., ц. 20 к.

Его-же. Гуттенбергъ. Изобрѣтатель книгопечатанія. М. 1900 г., ц. 10 к.

Его-же. Вода въ воздухѣ. М. 1901 г., ц. 15 к.

Хмелева, О. Н. Каменные пашынки каменной мачехи. (Очерки Финляндіи). М. 1898 г., ц. 15 к., съ картинкой на обложкѣ.

М. Н. Пр. 8 Сентября 1898 г. № 2330 одобрено для ученическихъ средн. возраста, библ. всѣхъ средн. учебн. завед., муж. и жен. и для библ. город. учил. и учителей семинарій.

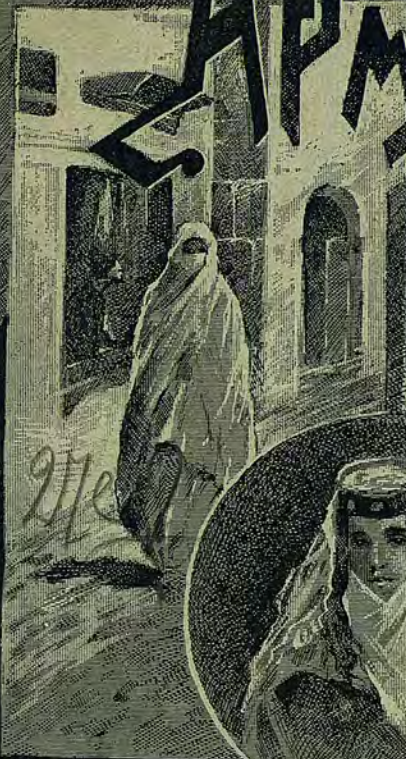
Ея-же. Правда объ Усурійскомъ краѣ и его обитателяхъ. Подъ ред. бывшаго агранома при приамурскомъ Генераль-Губернаторѣ Н. А. Крюкова. М. 1899 г., ц. 25 к.

№ 203
1245

[5]

Закавказье

АРАГЦАХ

Издае
А. Л. Панафудина.

А. Панафудина

Цѣна 20 коп.

